

Ю.П. Лукин, В.М. Хрусталеv

КАВКАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАПОВЕДНИК (создание и первые шаги деятельности)

50 лет назад был создан Кавказский государственный заповедник. Этот один из крупнейших в СССР горный заповедник расположен на Северо-Западном Кавказе. Он включает снежные вершины Главного Кавказского хребта и примыкает к густонаселенным районам всесоюзных здравниц Черноморского побережья.

Разнообразие природно-климатических условий, расположение на стыке Европы и Азии позволили здесь в течение тысячелетий сформироваться богатому по разнообразию растительному и животному миру.

Природа заповедника вызывает постоянное восхищение всех, кто посещал его территорию. Известный исследователь заповедника А.А. Насимович писал: «У побывавших в заповеднике навсегда остается живой память о могучей южной природе с ее девственными лесами и горными вершинами, увенчанными вечными снегами и ледниками. Тенистые леса гигантских пихт и буков; поляны, поросшие высокотравьем, скрывающим всадника, светлые дубняки, высокогорные кленовые леса, склоны гор, на протяжении километров покрытые непролазными зарослями рододендронов и лавровишни; живописные субальпийские и альпийские луга... стада серн и туров, мирные медведи, стонущий рев оленей и свист горных индеек – все это живо и ярко вспоминается спустя много лет...».



**Кубанская охота в присутствии Е.И.В. Вел. Князя Сергея Михайловича Романова.
Охотничий лагерь в урочище Умпырь**

Авторы поставили задачей на основе изучения новых архивных документов, хранящихся в Центральном государственном архиве РСФСР, показать гигантскую работу,

которая была проведена центральными и местными партийными, государственными и общественными организациями, учеными и деятелями по охране природы по разработке и принятию Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР о Государственном Кавказском заповеднике от 12 мая 1924 г., по осуществлению его основных положений в области организационно-хозяйственного укрепления заповедника, научной и культурно-просветительской деятельности в первые годы существования, имея в виду, что опубликованная по исследуемой теме литература содержит лишь общие сведения и освещает далеко не все стороны вопроса.

В 1888 г. на казачьих и удельных землях, взятых в аренду Великим князем Сергеем Михайловичем Романовым, была учреждена охота, построены караулки и охотничьи домики, в том числе для Николая II в Красной Поляне организована охрана.

В период революции 1905–1907 гг. в среде передовых людей России возникли природоохранные идеи, одна из которых воплотилась в проект о создании заповедника на территории великокняжеской «Кубанской охоты».

Ведущую роль в разработке проекта создания заповедника сыграла Академия Наук, на заседании которой в апреле 1909 г. академик А.А. Насонов доложил о необходимости учреждения заповедника. В 1910 г. при Русском географическом обществе была организована природоохранительная комиссия, а в следующем 1911 г. академиком А.А. Насоновым на заседании физико-математического отделения Академии Наук был доложен проект создания заповедника. 11 марта 1911 г. Академия Наук постановила учредить заповедник. К постановлению уже были приложены проект создания и положение о Кавказском зубровом заповеднике.

Площадь заповедника устанавливалась примерно равной половине Великокняжеской охоты, т.е. в 315317 дес. Однако в условиях существования частной собственности на землю этот проект не удалось осуществить из-за противодействия Кубанского казачьего войска и ведомства уделов.

Наличие охраны в период существования «Кубанской охоты» в какой-то мере ограждало животный мир этой части Кавказа от полного истребления. Однако браконьерство и хищническая лесозаготовка ставили под угрозу существование этого замечательного уголка природы.

После Февральской революции 1917 г., когда были ликвидированы царские учреждения, разбежались охрана охоты и лесная стража, территория будущего заповедника осталась без присмотра. В этот критический для природы Северо-Западного Кавказа момент Временным правительством не было предпринято никаких мер.

Только после победы Великой Октябрьской революции стало возможным осуществление этого грандиозного замысла.

В трудных условиях Гражданской войны и интервенции Советским государством была начата работа по охране природы. Первые декреты об Ильменском и Астраханском заповеднике были приняты по указанию В.И. Ленина. 16 сентября 1921 г. был принят декрет Совета Народных Комиссаров «Об охране памятников природы, садов и парков», подписанный В.И. Лениным, заложивший основу создания государственных заповедников нашей страны.

Уже в 1918–1919 гг. ряд деятелей (Г.А. Кожевников, Нехорошев) ставили вопрос о создании Кавказского заповедника. В 1919 г. Государственный комитет по охране природы народного комиссариата просвещения РСФСР наметил создание девяти заповедников. В их число входил и Кавказский заповедник.

Господство казачьих и белых правительств в годы Гражданской войны и интервенции пагубно сказалось на будущем заповеднике. Именно в эти годы нанесен был громадный ущерб животному миру заповедника вообще и его зубрам в особенности. В то время

были известны охотники, убивавшие в течение одного–двух лет более пяти зубров, а также и охотник, который в течение нескольких дней убил в урочище Тягень около двух десятков зубров.

Эти факты получили известность и за границей. На 10-ой конференции правительственного отдела охраны природы в Германии проф. Конвенц говорил: «...Вторая охранная территория для зубра была около Кубани... но и эта область благодаря казачьему господству, совершенно лишена дичи, что дает основание к предположению, что свободно проживающий зубр здесь совершенно уничтожен».

Несмотря на трудные условия военного времени, ряд передовых местных деятелей неоднократно предпринимали попытки спасти положение. Энергично и настойчиво боролся за идею создания заповедника бывший лесничий, естественник Христофор Георгиевич Шапошников.

Понимая безнадежность создания в те годы заповедника, он в 1918–1919 гг. предпринял попытку организовать охрану этой территории. Проводя предварительную пропаганду идей охраны природы и агитацию за спасение зубров, заручившись финансовой поддержкой частных лиц, он просил лесной отдел Кубанского краевого правительства сдать ему в аренду охотничьи угодья бывшей Великокняжеской охоты. Лесной отдел запросил громадную арендную плату, значительно большую, чем бралась с Великокняжеской охоты. С большим трудом, в обстановке проволочек со стороны лесного отдела к концу 1920 г. были разработаны условия договора. Но победа Красной армии и освобождение в марте 1920 г. Майкопа коренным образом изменили обстоятельства дела.



Христофор Георгиевич Шапошников. 1907 г.

В первые же дни освобождения Уполномоченный Реввоенсовета Кавказского фронта по просьбе Х.Г. Шапошникова посетил последнего и выслушал его довод об учреждении заповедника. После запроса центра вопрос был оговорен еще раз с заместителем Уполномоченного, после чего в мае 1920 г. Х.Г. Шапошников, облеченный полномочиями, выехал в Краснодар, где доложил свои соображения лесному отделу и отделу народного образования Кубано-Черноморского ревкома. Последние поручили только что созданному Совету обследования и изучения Кубанского края изучить вопрос и принять необходимые меры.

Активное участие в деле создания заповедника в это время приняли председатель Совета обследования и изучения Кубанского края А.П. Протопопов и проф. Кубанского политехнического института Д.Н. Головин.

3 октября 1920 г. в Совете обследования была создана Комиссия по охране памятников. На первом же ее заседании был заслушан и одобрен план организации заповедника.

3 октября 1920 г. по предложению Совета обследования Кубано-Черноморский ревком принял постановление о создании Кубанского высокогорного заповедника и границах, намеченных до революции Академией Наук. Управление заповедником номинально было поручено Совету. Совет назначил директором заповедника инициатора его создания Х.Г. Шапошникова, который сразу же после своего доклада в мае 1920 г. уехал на место для реализации постановления.

Уже в это время возникли трудности во взаимоотношениях с лесным отделом и окружающим населением в связи с организацией территории. Х.Г. Шапошников предложил создать для урегулирования этих вопросов особую комиссию. Осложнилось дело и с финансовой стороны. Кубано-Черноморский ревком не имел денег на содержание заповедника.

В этих условиях 21 апреля 1921 г. Б.Т. Тер-Оганесян направил Народному комиссару просвещения А.В. Луначарскому докладную, в которой писал: «...необходимо немедленно в самом срочном порядке объявить нагорную полосу Кубанской области... государственным зубровым заповедником, иначе грозит полное уничтожение кавказского зубра... Впредь до приезда из Москвы представителей Наркомпроса для разработки подобного плана устройства заповедника необходимо немедленно поручить организацию временной охраны зубрового заповедника агроному, бывшему лесничему Христофору Георгиевичу Шапошникову».

В соответствии с этим были, таким образом, подтверждены права Х.Г. Шапошникова как директора, управление заповедника было принято Наркомпросом в лице отдела по делам музеев, охраны памятников старины и искусства, отпущены первые кредиты, что позволило Х.Г. Шапошникову принять в штат первых трех объездчиков, начать борьбу с браконьерами, а также уничтожить сотни ловушек на куниц.

С целями разработки проекта Декрета о Кубанском заповеднике в Майкоп прибыл уполномоченный Наркомпроса РСФСР проф. Г.Г. Григор. После рассмотрения им дела на месте материалы о создании заповедника поступили в отдел охраны природы Наркомпроса РСФСР. Здесь был разработан проект декрета о создании Кубанского заповедника, который поступил 11 апреля 1922 г. в коллегия Наркомпроса т. Максимовскому на рассмотрение и последующего внесения его на утверждение в Совет Народных Комиссаров. Одновременно проект декрета был направлен на заключение заинтересованным ведомствам.

В конце текста проекта имеется специальная приписка, что данный проект защищает во всех инстанциях проф. Н.М. Кулагин.

Несмотря на то, что были получены положительные в принципе заключения ряда ведомств и отдельных ученых, включая и академиков, проект декрета из-за ведомственных

трений по вопросам финансирования и требований Наркомзама о создании комиссии для предварительного обследования был временно отложен.

В этих условиях 19 декабря 1923 г. исполнительный комитет Кубано-Черноморской области в развитие Декрета Совета Народных Комиссаров от 16 сентября 1921 г. и изменения постановления Кубано-Черноморского ревкома от 3 декабря 1920 г. принял постановление о границах Кубанского высокогорного заповедника¹⁾.

Этим постановлением общая площадь абсолютной зоны заповедника устанавливалась в 250 тысяч гектаров. В пределах этой зоны запрещалась рубка леса, охота, рыбная ловля, пастьба скота, проживание и временное пребывание посторонних лиц. Подчиненность заповедника органам охраны природы Наркомпроса РСФСР была официально подтверждена. Однако специально оговаривалось, что постановление носит временный характер до опубликования декрета Совета Народных Комиссаров.

Проект декрета о Кавказском заповеднике в это время получил поддержку в решениях состоявшейся в 1923 г. Всероссийской конференции по изучению естественных производительных сил России.

16 февраля 1924 г. проект декрета вместе со специальной пояснительной запиской Главнауки, подписанной ее начальником и соратником В.И. Ленина Ф.Н. Петровым, и копией постановления Кубано-Черноморского облисполкома от 19 ноября 1923 г. был направлен заместителем Наркома просвещения Н.Н. Яковлевой в Малый Совет Народных Комиссаров.

В пояснительной записке Главнауки приводились дополнительные доводы в пользу создания заповедника: низкая доходность от лесозэксплуатации, возможность замены драни, тиса и самшита как кровельных и строительных материалов другими материалами, уточнение границ и, наконец, создание в 1923 г. «Интернационального общества сохранения зубра».

Одновременно проект Декрета был отправлен в срочном порядке на заключение наиболее заинтересованным ведомствам. Народные комиссариаты национальностей и юстиции подтвердили свое прежнее положительное заключение. Народный комиссариат финансов, согласившись с проектом в целом, выдвинул положение о содержании заповедника на местном бюджете. Народный комиссариат земледелия тоже не был против, оставаясь при своем прежнем мнении о необходимости предварительного обследования границ.

Первое слушание проекта в Малом Совете Народных Комиссаров было назначено на 1 апреля 1924 г., но не состоялось ввиду появившейся необходимости вызвать представителя Кубано-Черноморского облисполкома. Этот представитель, Х.Г. Шапошников, срочно прибыл, и 22 апреля 1924 г. после обсуждения Малый Совет Народных Комиссаров принял проект за основу и сразу же постановил «поручить Наркомфину совместно с Наркомпросом установить размер средств, необходимых в текущем бюджетном году на содержание этого заповедника...».

12 мая 1924 г. декрет был утвержден Советом Народных Комиссаров РСФСР и опубликован.

В Декрете говорилось: «...в целях сохранения для научно-исследовательских и культурно-просветительских задач в неприкосновенном виде в горах Западного Кавказа горных лесов и альпийской полосы с населяющими его редкими животными и растениями, учреждается Кавказский зубровый заповедник...».

Далее объявлялся размер территории заповедника (250 000 гектаров) и давалось географическое описание границ его со следующими примечаниями: «Отвод точных границ будет произведен комиссией в составе представителей заинтересованных ведомств».

Согласно Декрету, все находившиеся на его территории постройки и иные сооружения вместе с инвентарем переходили в ведение Управления заповедника. Подчинен он был отделу охраны природы Главнауки.



Первая печать заповедника

Принятие Декрета означало огромную победу, но впереди были еще значительные трудности. Практическое создание любого заповедника очень сложное дело. Особенно сложным оно было в отношении Кавказского заповедника с его огромной территорией, отсутствием точных границ, чрезмерной слабостью его хозяйственного положения.

8 июня 1924 г. на обследование Кавказского и Крымского заповедников отпущено 1500 руб., но создание комиссии затягивалось.

Местное население еще в прежнее время пользовалось пастбищами в окраинных районах заповедника и занималось лесоразработками. После утверждения декрета право на временную эксплуатацию этой территории было оставлено за прежними земледельцами. В течение 1924–1925 гг. во Всероссийский Центральный исполнительный Комитет поступили ходатайства Сочинского районного исполкома, Майкопского окружного исполкома и от Адыгейско-Черкесской автономной области о выделении им части территории заповедника.

Для разрешения этих вопросов и изучения материальной заинтересованности населения в землях и лесах заповедника после обсуждения, проведенного в отделе национальностей, Президиум ВЦИК(а) 1 июля 1925 г. создал комиссию под руководством т. Полуяна, которой было поручено в недельный срок выехать на место, изучить обстоятельства дела и представить доклад во ВЦИК.

Комиссия т. Полуяна работала в течение двух недель. Члены ее на месте конкретно изучали положение дела. Большое участие принял в этом член комиссии от Академии Наук проф. М.Н. Кулагин.

Руководством заповедника, а именно директором Х.Г. Шапошниковым и его заместителем А.П. Гунали в это время было проведено более 50-ти заседаний, совещаний, собраний в учреждениях и отдельных селениях. Комиссия разрешила наиболее острые вопросы. Она пришла к выводу, что требования местных органов по размерам пастбищ являются преувеличенными, однако, учитывая интересы населения, приняла решение

о выделении части территории заповедника в охранную зону с использованием ее под пастбища. Вопросов лесопользования она не касалась. Решив частные вопросы, вопрос о границах в целом она откладывала до решения Комиссии Совета Народных Комиссаров.



А.П. Гунали – зам. директора КГЗ

13 июля 1925 г. Президиум ВЦИК, заслушав доклад т. Полуяна, принял основные его предложения. Кроме того, в постановлении ВЦИК от 13 июля Народному Комиссариату земледелия поручалось принять меры к рационализации ведения животноводства и лесозексплуатации, об установлении за выгоняемым скотом на пастбища заповедника ветеринарного надзора и др.

Наркомпросу предложено было принять меры к широкой популяризации заповедника, налаживанию его научной и культурно-просветительской работы. ВЦИК констатировал слабость и неналаженность хозяйства заповедника и указал Совету Народных Комиссаров на необходимость достаточных кредитов в предстоящем бюджетном году.

Таким образом, хотя постановление ВЦИК и не разрешало окончательно вопроса о границах, в нем была изложена подробная программа деятельности заповедника.

31 июля 1925 г. была создана Комиссия Совета Народных Комиссаров РСФСР во главе с т. Дробинсом. Подготовительную работу поручалось провести Народному Комиссариату просвещения, который много сделал для привлечения к работе в Комиссии, кроме представителей ведомств, представителей от научных областей и отдельных специалистов. Был составлен план работы Комиссии, смета на ее расходы и детальный маршрут обследования территории.

Комиссия должна была работать в Майкопе и проехать по периметру заповедника примерно 400 км. Принимая во внимание опасные условия работы (не ликвидированный до конца бандитизм, отсутствие дорог и помещений для остановок), смета предусматривала закупку соответствующего снаряжения, наем верховных и вьючных лошадей.

Из-за близкого окончания летнего сезона в 1925 г. комиссия не начала своей работы. Было принято предложение проф. М.И. Крылова, высказанное им еще 22 июля 1925 г. на методическом совещании в Отделе охраны природы о необходимости предварительного научного изучения заповедника специальной технической комиссией.

В соответствии с этим перед началом работ Комиссии СНК была организована под руководством проф. М.И. Крылова экспедиция в составе специалистов по зоологии, геологии, ботанике и др., которая работала в Заповеднике летом 1926 г.

К моменту окончания работ экспедиции проф. М.И. Крылова на место выехала Комиссия в составе представителя наркомата рабоче-крестьянской Инспекции т. Н.И. Подвойского (Председатель комиссии), Наркомпроса т. Тер-Оганесова, Наркомзема т. Петровского, Академии Наук т. Крымова, Северо-Кавказского крайисполкома т. Безборода.

Работа комиссии началась 13 сентября 1926 г. в г. Майкопе. На первом заседании обсуждались вопросы организации работы комиссии и заслушан информационный доклад начальника экспедиции проф. М.И. Крылова. На этом заседании М.И. Крылов был избран ответственным секретарем Комиссии, а Х.Г. Шапошников ответственным работником по организационно-административным вопросам. Решено было также произвести личный осмотр наиболее спорных угодий. С этой целью В.Т. Подвойский и В.Т. Тер-Оганесов выехали в горы, где осмотрели альпийские пастбища Лагонаки, верховье реки Цице и многие другие участки на северных и южных склонах, а также населенные пункты Красная Поляна и с. Эстонское. После этого осмотра состоялась целая серия совещаний с представителями местных органов власти и участием населения.



**Комиссия Майокрисполкома по распределению пастбищ на Лагонаках.
У подножия массива Фишт-Оштен, 1926 г. Фото А. Гунали**

21–25 сентября 1926 г. состоялось заключительное заседание Комиссии. Состав его в течение пяти дней несколько менялся в зависимости от вызова тех или иных представителей местных организаций. В явочном листе зарегистрировано 37 участников заседания. Кроме членов Комиссии и представителей местных государственных и общественных организаций, участвовали Стеценко, крестьянин-выдвиженец, Конох, член ВЦИК и ЦИК, крестьянин, Безбочен, представитель редакции «Красный пахарь», Праведников, лесничий Белореченского лесничества, Дудников и Бересада, представители селения Сахрай.

Заседание открылось вступительной речью Н.И. Подвойского, в котором он подчеркнул, что правительство придает большое государственное значение созданию Кавказс-

кого заповедника и именно поэтому, начиная с мая 1924 г., ВЦИК и Совнарком пять раз обсуждали вопрос об этом заповеднике.

После этого был заслушан обстоятельный доклад начальника экспедиции проф. М.И. Крылова, в котором он научно обоснованно, с привлечением огромного и детального статистического материала проанализировал состояние животноводства, способы ведения хозяйства окружающим населением и подробно рассмотрел его претензии.



Н.И. Подвойский (справа) и наблюдатель КГЗ Г. Гарт. Майкоп, 1926 г.

Н.И. Подвойский умело вел прения, акцентируя заседание на решение важных вопросов со всей обстоятельностью и прямотой, постоянно ставя вопросы в плоскость госу-

дарственного подхода к делу с учетом интересов трудящихся, с учетом задач на будущее в деле использования природных ресурсов.

Выступления Н.И. Подвойского были ярки и эмоциональны. В одном из них он говорил: «Наша партия... показала, что богов нет, что природа может быть в наших руках... В заповеднике есть то, что делалось в течение тысячи, миллионов лет, поэтому надо заповедник превратить в школу, в которую будут входить дети и в ней учиться, учиться у природы... Природа многосторонний учитель и всякому есть всему полезному научиться».

Этим заседанием, протокол которого занимает почти сорок страниц машинописного текста, закончилась работа Комиссии в Майкопе. В Москве, к апрелю 1927 г. был составлен отчет о работе Комиссии, разработаны детальные предложения по Кавказскому заповеднику, состоящие из четырех разделов: значение заповедника, границы его, мероприятия по улучшению хозяйства и организационные вопросы.

По результатам работы Комиссии 2 июля 1927 г. было принято постановление Совнаркома, которое подтвердило границы, установленные Декретом от 12 мая 1924 г., с незначительными уточнениями, предложенными Комиссией Н.И. Подвойского, и впервые давало точное описание границ заповедника.

В постановлении говорилось о немедленном оформлении передачи Народным Комиссариатом земледелия Народному Комиссариату просвещения территории в указанных границах со всеми расположенными на нем сооружениями в соответствии с Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 13 июля 1925 г.

Учитывая нужды местного населения и участков заповедника, вызываемые задержкой перехода населения к рациональному использованию своих земель государственного фонда, Постановление предписывало отвести во временное распоряжение местных органов власти особый фонд на основании пункта 7-го об охранном районе Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 5 октября 1923 г. об охране участков природы.

Это было деление на абсолютную и охранную зоны заповедника. Давались точные границы охранной зоны. Специально подчеркивалось, что участие сосны и самшита в верховьях реки Цице входят в состав абсолютной зоны.

Далее местным Исполнительным комитетом предписывалось немедленно прекратить хищнические способы эксплуатации высокоценных пихтовых насаждений и альпийских лугов, а Народному комиссариату земледелия и Северо-Кавказскому краевому исполнительному комитету провести в жизнь мероприятия Комиссии Н.И. Подвойского по улучшению хозяйства местного населения и освобождению его от необходимости в дальнейшем прибегать к использованию территории заповедника.

Использование площадей заповедника предписывалось проводить в соответствии с Инструкцией Народного комиссариата просвещения. За минованием надобности у населения той или другой территории или в случае повторных нарушений правил пользования участками соответствующие земли могли возвращаться в полный заповедник, т.е. включаться в его абсолютную зону.

Контроль за выполнением этого постановления был поручен Народному комиссариату рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Н.И. Подвойский лично уделял большое внимание выполнению постановления. На XV съезде партии Н.И. Подвойский был сильно занят как член Центральной контрольной комиссии. Однако он нашел время между заседаниями для беседы с Представителем Северо-Кавказского крайисполкома т. Богдановым и дал ему ряд указаний в отношении роли исполкома и выполнении Постановления Совнаркома от 2 июля 1927 г.

Весной 1928 г. сельскохозяйственная группа Северо-Кавказской краевой рабоче-крестьянской инспекции по заданию Н.И. Подвойского провела первую проверку выполнения Постановления. Был отмечен ряд недостатков в выполнении его.

3 ноября 1928 г. в Наркоме рабоче-крестьянской инспекции под председательством Н.И. Подвойского состоялось совещание, на котором присутствовали: от Главнауки т. Потемкин, от Наркомата земледелия т. Перовский, от Государственного комитета охраны природы т. Северцев и директор заповедника т. Шапошников.

На совещании были оглашены результаты проверки, заслушаны объяснения сторон и намечены пути решения невыполненных пунктов Постановления Совнаркома от 2 июля 1927 г.

В это время еще не полностью были проведены границы в натуре, не подписаны акты официальной передачи территорий от Наркомата земледелия Наркомату просвещения, Наркоматом просвещения не разработаны инструкции о порядке использования площадей.

Все это было сделано в 1929 г., что означало окончательное выполнение Постановления Совнаркома от 2 июля 1927 г.

Как мы видели, в ходе решения вопроса о границах заповедника выполнялись важнейшие задачи по организационно-хозяйственному укреплению его. Быстро увеличивались размеры ассигнований: если до 1924 года заповедник получал 600–700 руб. в год, то в 1924–1925 гг. ассигнования составили 4249 руб. Штат с четырех человек в июне 1924 г. был увеличен до 17 человек. Но и такие ассигнования и штаты еще не удовлетворяли потребностей. После постановления ВЦИК от 13 июля 1925 г. наступает значительный перелом. В 1925–1926 гг. заповеднику было ассигновано 33 420 руб., а число выделенных штатных единиц составило 80 человек.

Несмотря на такие значительные кредиты, положение было трудным. Начинать приходилось буквально с пустого места. Управление заповедника находилось в доме директора, на территории заповедника вообще не было каких-либо помещений. В значительной степени разрушенные постройки находились в ведении лесного ведомства. Дорог не было, тропы были разрушены, как и мосты через реки. Пересечь территорию заповедника поэтому можно было лишь в радиальном направлении вдоль долин рек. Из-за полного отсутствия транспортных средств (не было ни одной лошади) этот путь занимал более недели, причем по несколько дней приходилось идти, не имея возможности остановиться в каких-либо помещениях (не было даже шалашей).

В 1924 г. была отремонтирована лишь одна караулка и приобретена легкая постройка (охотничий лагерь на поляне Гузерипль) как база для слежки за браконьерами во время рева оленей осенью, а зимой за промыслом куниц.

После принятия декрета от 12 мая 1924 г. был принят план строительства, рассчитанный на три года, общей стоимостью в 118 107 руб. Планом намечалось достроить дом для Управления заповедника с квартирой для директора, музей с лабораторией, семь домов для наблюдателей и столько же для инструкторов. Продолжали увеличиваться и общие ассигнования, достигнув в 1928–1929 гг. 76 460 руб.

На этом фоне началась борьба с браконьерами, которые в то время не только уничтожали животных заповедника, но и мешали сотрудникам в исполнении их прямых обязанностей по охране. Браконьерами в то время были бандиты, укrywшиеся на территории заповедника еще со времен Гражданской войны и интервенции, вооруженные пастухи и другие лица. Бандиты были вооружены хорошим нарезным оружием. Не отставали от них в этом отношении и пастухи, оправдываясь целями защиты скота от бандитов.

В одном из своих донесений Х.Г. Шапошников писал: «В настоящее время в горах имеется заведомый браконьер, бывавший в горах (бывший офицер), прекрасно вооруженный...»



Строительство караулки в Гузерипле, 1926 г.

Инструктор И. Макаровский, посланный Х.Г. Шапошниковым обследовать верховья рек Шиши, Киши и Черной, доносил в мае 1925 г., что этот район является центральным местом нахождения бандитов. Появление там сопряжено со смертельным риском. В случае захвата бандитами можно подвергнуться истязаниям. Он приводил в пример лесников Семена Двурядко и Ивана Лимарева, первый из которых был зверски задушен бандитами веревкой, а второй заколот, а также убийство проф. Исаева. В заключении он просил заметить у него и двух сопровождающих его объездчиков берданки на магазинные винтовки.

Трудно было бороться с браконьерством пастухов. Наблюдатель В. Крутенко в мае 1925 г. составил акт на пастуха К. Хасаева, который незаконно пас скот и имел английскую десятизарядную и русскую трехлинейную винтовки. Всего на того же К. Хасаева за два года было составлено четыре протокола. Протоколом от 23 мая 1923 г. было установлено, что К. Хасаев зимовал со своим скотом в долине р. Алоус, соорудив там барак, базы и загоны для скота. Протокол с несомненностью устанавливал, что он является крупным браконьером. При обследовании места его стоянки были найдены настороженные многочисленные ловушки на куниц, окровавленные распялки, олени рога, куски кож тура, серн и медведей. Бороться с такими браконьерами было трудно, ибо они зачастую не имели постоянного места жительства, и некуда было предъявлять протоколы о браконьерстве.

Полного прекращения браконьерства в эти первые годы не было достигнуто, но и тогда был предпринят ряд эффективных мер: мобилизация сил общественности, приглашение дополнительной охраны на зверовой сезон и вооружение охраны современным оружием. Особое резкое снижение браконьерства было отмечено с началом коллективизации, коренным образом изменившей и условия существования крестьянина, и его отношение к заповеднику как к государственной собственности.

На таком фоне была начата научно-исследовательская и культурно-просветительская деятельность заповедника. Самым насущным делом в это время было установление численности зубров. Несомненно, что в 1924 г. большинство специалистов и заинтересованных лиц еще верили, что остатки зубров имеются. Слово «зубровый» входило в это время в официальное наименование заповедника. И позже, в 1924–1925 гг., при разрешении вопросов пастьбы скота и лесопользования часты были ссылки на несовместимость этого с обитанием в заповеднике зубров.

В 1924 году Управлению заповедника не удалось развернуть планомерные поиски зубров. Поэтому в ответ на вопрос В.Т. Тер-Оганесова от 19 октября 1924 г. в отчете за I кварт. 1924–1925 г. кратко указывалось, что были замечены два зубра в районе вершин Абаго и Уруштен и один в районе Маркопыжа.

Основная работа по поиску зубров развернулась в 1925 г. Уже весной начали поступать первые сообщения. Инструктор И. Макаровский и два сопровождавших его объездчика донесли, что 23 мая видели след зубра в районе р. Шиши. Поступали и другие донесения, но работа осложнялась нехваткой средств, малочисленностью сотрудников и слабостью охраны. По предположению Х.Г. Шапошникова, стада зубров, к этому времени распуганные браконьерами, пастьбой скота и лесоразработками, разбились на одиночек или очень мелкие группы и забрались в наиболее глухие труднодоступные места в верховьях рек.



Участники зубрового обследования. В урочище Чилипсы, 1927 г. Фото А. Гунали

В своих отчетах за III и IV кварталы 1925 г. Х.Г. Шапошников уделил большое внимание работе по поиску зубров. К обоим отчетам имелись специальные приложения по этому вопросу, и, кроме того, к отчету за III квартал была приложена сводка о животном населении заповедника, где имелись соответствующие сведения и о зубрах. В отчетах указывалось, что в 1924 г. в районе рек Киши и Шиши часто встречали следы и видели трех

зубров: самку, теленка и молодого самца. В районе Мастакана обнаружены были следы стада примерно в два десятка голов. Отдельные следы видели в районе реки Белой, в урочище Облинах и в других районах. В 1925 г. наблюдали следы девяти зубров у р. Большой Лабы, в районе Мастаканки видели самку с теленком, самца у хутора Новосвободного.

Летом 1925 г. заместителю директора А.П. Гунали было поручено при обследовании работы охраны проверить эти сведения. На р. Лабе в районе Мастаканки А.П. Гунали наткнулся на бандитов, что заставило прервать обследование в этом районе до увеличения охраны и ее лучшего вооружения. Ему все же удалось установить стадо в 7–8 голов в районе Мастакана, где были им сфотографированы объединенная зубрами рябина и зубровая тропа. Кроме того, замечены следы «одиноцов» на реках Алоус и Шиша. Им также были получены сведения, что стадо в десять голов перешло р. Б. Лаба ниже Карапыря.

Зимой 1925–1926 гг. Управление заповедника рассчитывало продолжить поиски зубров, установить их местопребывание и загнать в специально подготовленный и огороженный участок заповедника. Сведения заповедника о зубрах были включены в отчет Отдела охраны природы за 1924–1925 гг., и 21 октября 1925 г. Наркомат просвещения РСФСР ссылался на эти материалы, когда встал вопрос о лесоразработках в районе р. Шиши.

Сотрудники заповедника вели безрезультатные поиски в 1926 г. В 1927 г. экспедиция Д.П. Филатова обследовала самые удаленные уголки заповедника и тоже не обнаружила зубров.

В первые годы существования заповедника научно-исследовательские работы велись экспедиционным путем в ходе общих работ. В 1924–1925 гг. эта работа велась еще в крайне незначительном размере: слишком мало было сил. До июня 1925 г. единственным научным сотрудником был сам директор. В июне к нему присоединился его помощник А.П. Гунали. Х.Г. Шапошникову в 1925 г. исполнилось 53 года, он уже пять лет был директором, а до этого добивался сохранения животного мира будущего заповедника в трудных условиях господства белогвардейцев. Длительное время его дом являлся служебным помещением без уплаты арендной платы. Б. Казанский, член комиссии т. Полуяна в частном письме из Сухуми, где он заканчивал дела комиссии после окончания ее работы, писал В.Т. Тер-Оганесову, что Х.Г. Шапошников – очень знающий работник.

Несмотря на чрезвычайную занятость административно-организационными работами, он занимался научной работой. Им были собраны энтомологические коллекции, произведено обследование альпийских лугов, составлены сведения о количестве и распределении животных и др.

На 1926 г. Отдел охраны природы выделил заповеднику еще пять штатных должностей научных сотрудников, но заполнить их в то время было очень трудно. В майской ведомости на зарплату мы, кроме директора и его помощника, видели только одну фамилию научного сотрудника – П.И. Слащевского.

В 1929 г. в заповеднике уже работали два научных сотрудника I раздела, два научных сотрудника II раздела и 31 научно-технический сотрудник.

Обследование заповедника в первые годы было одной из важных задач. Необходимо было с достаточной ясностью установить, что же представляет собой заповедник и каковы его богатства.

В значительной мере в этом отношении помогли экспедиционные исследования, проводившиеся на территории заповедника различными организациями, обществами и отдельными учеными, любителями природы.

В 1923–1924 гг. геологическое обследование проводил геолог геологического комитета ВСНХ Робинсон. По лесным насаждениям вела работы особая комиссия от лесного отдела. Погиб от рук бандитов при проведении биологических исследований проф. Коммунистического университета Исаев.



У конторы КГЗ, Майкоп, 1929 г. Сидят слева направо: инструктор И.Г. Крутенко, инструктор Н.А. Щербаков, зам. дир. КГЗ М.П. Розанов, директор КГЗ Х.Г. Шапошников, завхоз Л.С. Рябков, энтомолог П.И. Слащевский

В 1924–1925 гг. силами сотрудников заповедника проводились следующие научно-исследовательские работы: гидрологические, фенологические и метеорологические наблюдения, выявление распределения хвойных пород, геоботанические и почвенные породы, обследования короедов, сбор семян дикой ржи и посев опытного поля, определение путей движения животных и пролетных птиц, сбор и препарирование объектов для музея и др.

Кроме того, в том же году продолжал свои работы Робинсон; по инициативе Х.Г. Шапошникова интересное исследование о зависимости болезней серны от пастьбы домашнего скота провел ветеринарный врач Норбеков. Геологические изыскания в карстовой области провел Олейников, установивший интересные взаимосвязи лесного покрова с почвой. По заданию лесного отдела студент Никитин изучал влияние лесоразработок на состояние лесного покрова заповедника. Прилегающие к заповеднику местности посещались зоологом Академии Наук О.В. Розеном.

В 1926–1930 гг. проводились уже специально организованные крупные экспедиции. После вышеупомянутой экспедиции проф. Крылова 1926 г. был составлен план таких экспедиций на пять лет с целью получить полное и многостороннее описание заповедника.

Так, в этот период были проведены следующие экспедиции: зоологическая проф. С.С. Турова, почвенная проф. С.А. Захарова, гляциологическая проф. Г.Г. Григора, ботаническая проф. Н.А. Буша, метеорологическая Д.Ф. Нездюрова, гидробиологическая проф. Ф.А. Бартенева, луговоеводческая проф. Н.А. Троицкого.



**Наблюдатель И.А. Никитин ведет метеорологические наблюдения на метеоплощадке.
Гузериль 1929 г. Фото Ф.Я. Каннинга**

Велась работа и собственными силами. На научную работу отпускались в это время уже крупные суммы. В 1928–1929 гг. на 76 460 руб. общих ассигнований на научную работу было отпущено 10 000 руб. Отчеты Управления заповедника по научной работе заслушивались вышестоящими органами. Так, доклад Х.Г. Шапошников о плане научных работ был заслушан 6 февраля 1928 г. на заседании Государственного комитета по охране природы. Большое внимание вопросам научной работы заповедника уделялось Комиссией Н.И. Подвойского. Переход к стационарным формам исследования и созданию ряда научных станций был произведен в 1930–1931 гг. Однако идея создания в заповеднике научной станции зародилась гораздо раньше. Впервые о необходимости ее говорилось в проекте Академии Наук 1911 г. Впервые вопрос о создании в заповеднике научной станции был поднят в правительстве в 1925 г. Главнаука провела большую подготовительную работу по созданию такой станции. Дело это было для того времени новым и сложным. Предполагалось даже создание особой комиссии по организации научной станции. 5 сентября 1925 г. приглашение председательствовать в такой комиссии было послано заведующим Главнаукой Ф.И. Петровым Управляющему делами Совета Народных Комиссаров Н.П. Горбунову. Н.П. Горбунов высоко оценил научное значение организуемой станции, отказался от поста председателя ввиду большой занятости, но ниже текста официального отказа приписал: «Согласен и буду оказывать всяческое содействие, т.к. придаю этому заповеднику большое научное значение». Отделом охраны природы был разработан проект, план и смета научной станции. Сметные ассигнования в первый год ее существования были исчислены в 27 000 руб., что почти в три раза повышало ассигнования, отпущенные на научную работу заповедника в 1929 г. В 1926 г. на станцию было отпущено 8700 руб., и работа по созданию была начата. Комиссия Н.И. Подвойского указала на необходимость усиления деятельности научной станции и предложила Наркомпросу немедленно принять меры к организации стационарной научной работы в заповеднике.

Уже в эти годы была начата работа по популяризации заповедника и идей охраны природы, организации экскурсии и туристических маршрутов. На первом этапе до середины 1925 г. работа эта велась преимущественно директором заповедника. Лекции и экскурсии в это время не носили планомерного характера, резко преобладали агитационные и пропагандистские формы (выступления директора, заметки в газетах и пр.), служившие в то время, главным образом, целям создания заповедника. В 1924 г. Х.Г. Шапошниковым был обработан некоторый материал и подготовлена специальная лекция, в ходе которой демонстрировались рисунки, диаграммы и экспонаты из его коллекции. В 1925 г. работа эта расширилась. Лекции для посетителей заповедника проводились уже регулярно. Аудиторию составляли рабочие, профсоюзные и комсомольские работники и школьная молодежь. В 1925 г. было прочитано 20 таких лекций. Кроме того, читались лекции в только что созданном усилиями Х.Г. Шапошникова обществе краеведения Майкопского округа и в Центральном рабочем клубе. По поводу этой лекции в газете опубликована заметка: «Побольше бы таких лекций». Лекция как примерная была выслана в Отдел охраны природы.



Группа экскурсоводов перед отъездом из Майкопа в Западный отдел. 09.06.1930 г.

Фото Ф.Я. Каннинга

Кроме экскурсантов, заповедник в эти годы посетил ряд групп с туристическими целями. Одна группа в 15 человек прошла Белореченский перевал на Сочи. В заповеднике бывали иностранные туристы из Англии, Германии, Франции, Австралии. В Наркомпрос поступила заявка на посещение заповедника группой американских ученых в сто человек. Следует иметь в виду, что путешествия туристов в заповедник в то время были трудны и требовали средств больших, чем обычно располагал средний любитель природы. Так, например, в 1925 г. два художника направились в заповедник для зарисовки пейзажей и вынуждены были вскоре вернуться из-за больших цен на продовольствие для туристов.

В Постановлении Всероссийского центрального исполнительного комитета впервые широко подчеркнута роль заповедника в развитии социалистической культуры, и народному комиссариату просвещения предложено «...принять меры к широкой популяризации заповедника, путем издания специальных описаний и трудов о нем... организации экскурсии и т.п.». Дело организации культурно-просветительской работы в заповеднике принимало государственный характер. Народным комиссариатом просвещения были разработаны сметы на мероприятия по популяризации идей охраны природы и на организацию экскурсионного дела в Кавказском заповеднике. Согласно этим сметам предполагалось издание брошюры, листовок и плакатов сразу же на русском и четырех местных языках. В плане устной пропаганды выделялись средства на покупку проекционного фонаря «Изба политпросвета», ста диапозитивов и на организацию двадцати лекций. Заповеднику предлагалось организовать два туристических маршрута от Майкопа до Сочи.



Игра в волейбол на турбазе «Кавказ» в Гузерипле. 1930 г.

Это была широкая для того времени постановка вопроса, и в целом эти планы были выполнены. В 1931 г. действовало три туристических маршрута протяженностью от 100 до 150 км, по которым прошли группы общей численностью 12 тыс. человек. На 1932 г. была дана заявка общества путешествий, туризма, экскурсий уже на 100 тыс. человек.

Начата была издательская деятельность. В 1925 г. Управление просило отдел охраны природы содействия в опубликовании брошюры «История Кавказского зубрового заповедника». В этом же году с проф. Кулагиным велись переговоры об издании его работы «Биология Кавказского зубра». Постановлением Совнаркома РСФСР от 2 июля 1927 г. поручалось Наркомату просвещения подготовить вопрос об издании трудов Комиссии Совнаркома. Большая издательская деятельность началась позднее, в 30-х годах, когда

были обработаны результаты экспедиций 1927–1930 гг. и началось регулярное издание «Трудов» заповедника. В 1928 г. научный сотрудник заповедника П.И. Слещевский сообщил Н.И. Подвойскому, что им написана справка об истории заповедника и он хотел бы поместить ее в один из немецких журналов, чтобы показать, «какой работы требует от нашего Правительства создание заповедника...»

Только сейчас, через десятки лет в полной мере оцениваются те огромные усилия десятка людей, стоявших у истоков создания Кавказского заповедника.

Может быть, покажется, что что-то можно было сделать по-другому, но надо всегда учитывать, что молодое советское государство имело еще чрезвычайно мало опыта в создании заповедников, и такой большой заповедник создавался впервые. Изучение истории создания Кавказского заповедника помогает заглянуть в его славное прошлое, сделать выводы для наших дней и для его далекого, но, несомненно, блестящего будущего.